

Alexander K. Gavrilov

St Petersburg Institute for History, RAS
polivan@bibliotheca-classica.org

THE SCHOLARLY PROGRAM OF M. I. ROSTOVZEFF

The author asks: what was the place of philology in the stupendous historical work of M. Rostovtzeff, considering that the great scholar identified his scholarly program with history and/or with the archaeology of the ancient world, leaving philology in their shadow. Such a disposition seems to reflect an ever-growing division and even a gap between those three disciplines as different parts of ancient studies in the 20th century: natural from the point of view of specialized knowledge, it is fatal from the perspective of hermeneutics, where parts and the whole check each other in a very sophisticated way. Hence, the lecturer's attempt to ask what the message of Rostovtzeff's work is on this question, since his teaching in the famous Nicholas Gymnasium in Tsarskoje Selo, along with its brilliant scholarly crew, already speaks for the presence of traditional philological values. The same is indicated by the commented and illustrated edition of *Julius Caesar De bello Gallico* for Russian gymnasia, philology being supplemented here by historical explanations, tables, and pictures. Also significant was that Rostovtzeff's favorite auxiliary disciplines were epigraphy and papyrology, which, treating new and often hardly readable texts, already presuppose especially strong philological skills. Rostovtzeff's sensitivity to the artistic value of ancient literature is seen from his biography, which relates how he met and admired the literary persons of the Russian Silver Age and how he wrote lucid Russian himself. As for Rostovtzeff's lack of sympathy with exclusively philological topics, we guess that this was a consequence of the monotonous accent on grammatical competence disproportionately cultivated in the "classical" reforms of Count D. A. Tolstoy.

Автор ставит вопрос о том, какое место в творчестве М. И. Ростовцева занимала филология: сам он обычно признавал с гордостью свое призвание историка, иногда заодно изъясняя пылкую привязанность к археологии. Это предвещает возобладавшее (не только в России) разделение истории и филологии в рамках антиковедения, что, по представлениям автора, ведет к печальным для обеих сторон последствиям. Отсюда стремление присмотреться внимательнее к тому, чему в этом смысле учит само творчество историка. О филологических навыках Ростовцева свидетельствует уже его

преподавание в Николаевской Царскосельской гимназии с ее великолепным штатом разносторонних знатоков античности (начиная с Ф. Ф. Зелинского), между тем как создание всесторонне комментированного издания *De bello Gallico* Юлия Цезаря для употребления в русских гимназиях показывает мастерство Ростовцева в этой не в последнюю очередь филологической специализации. Поучительно и то, что из вспомогательных исторических дисциплин историк особенно часто читал курсы и писал исследования по папирологии и эпиграфике – дисциплинам, которые уже новизной своего материала требуют особой искушенности в филологии, особенно в вопросах языка. Чувствительность к искусству слова и к носителям этого искусства видна и по биографии историка; она же ощущается по живому слогу его сочинений. С другой стороны, на отсутствие пристрастия к темам сугубо филологическим подействовало отношение Ростовцева к засилью языковых упражнений в толстовской гимназии, где последние были так неубедительно раздуты.